

ПРИЛОЖЕНИЕ

DOI 10.31860/978-5-91172-248-7-602-612

И. Ваганова

РАНХиГС, Санкт-Петербург

Калиостро из Ярославля. К вопросу о литературной репутации М. Кузмина в родном городе

Литературная репутация — это присутствие писателя в культурном пространстве эпохи, которая начинается после его смерти. Литературная репутация — это сложившееся в общем культурном сознании мнение о писателе и его месте в литературной иерархии, так или иначе влияющее на установку восприятия его следующими поколениями.

Михаил Кузмин — гениальный поэт. Но, создавая свою жизнь как художественное произведение, он окружал себя легендами и мифами, которые сам же охотно и сочинял. Умышленно путал даты своего рождения¹ и называл Ярославль городом, где вырос:

Я знаю вас не понаслышке,
О верхней Волги города!
Кремлей чешуйчатые вышки,
Мне не забыть вас никогда!

<...>

Не знаю, прав ли я, не прав ли,
Не по указке я люблю.
За то, что вырос в Ярославле,
Свою судьбу благословлю!

Факт очевиден: Кузмин в Ярославле «не вырос», а только родился, и когда ему было полтора года, семья переехала в Саратов. Мифотворчество наравне с другими особенностями его личности, которые поэт особенно и не скрывал, не могло не сказаться на его

литературной репутации в таком купеческом и консервативном городе как Ярославль.

Восприятие Кузмина в Ярославле не было прямым и однозначным даже тогда, когда он стал по-настоящему модным и популярным петербургским поэтом. О нем не писали местные газеты, не искали информационных поводов, чтобы упомянуть, что Кузмин родился в Ярославле. Да и сам Кузмин не приезжал в Ярославль с чтением новых стихов, не собирал залы восторженных поклонников подобно Константину Бальмонту, который тоже имел отношение к Ярославлю.²

Если Кузмин и бывал в Ярославле, то случайно, проездом, как например, 20 августа 1906 года. Вот его запись в дневнике, которую часто цитируют исследователи: «Погода прелестна, мы путешествовали *en famille* по Ярославлю, являя собой не то странствующую труппу, не то “наших за границей”. Попали в какой-то шикаристый ресторан со сценой, проходили мимо дома, где я родился, мимо церкви, где меня крестили: всё, говорят, такое же. Там тихий, уютный, замерший вид».³

Даже из этой дневниковой записи видно, что несмотря на созданный в стихах лирический образ родного города, особых чувств к Ярославлю поэт не испытывал. Ярославцы отвечали ему взаимностью.

Где конкретно семья Кузминых проживала, очень долгое время ни историкам литературы, ни краеведам не было известно, предполагалось только, что жили Кузины на Волжской набережной. Точный адрес, по которому проживала семья Кузминых в Ярославле, удалось установить петербургскому исследователю Е. В. Евдокимову.⁴ Зато хорошо был известен другой адрес, где родители будущего поэта часто бывали: это дом № 31а по Волжской набережной. Сегодня это здание, известное ярославцам как «Дом Дедюлина», является объектом культурного наследия федерального значения. Здесь жил сослуживец и друг отца, крестный поэт Дмитрий Иванович Чистяков,⁵ довольно известная личность в Ярославле. В момент рождения своего приемника Чистяков был гласным Ярославской городской думы, мировым судьей, а позже, в 75 лет, ярославцы избрали Чистякова городским головой. Несмотря на возраст, он был энергичен, деятелен и как управленец имел высокий авторитет.

Если говорить о прижизненных контактах поэта с родным городом, то, не считая самого факта рождения, следует выделить два эпизода. Первый связан с попыткой сотрудничества с ярославским книгоиздателем Константином Федоровичем Некрасовым,⁶ а второй — с временным проживанием в Ярославле любимого племянника поэта Сергея Ауслендера.

Возможно, некоторая нежность к Ярославлю со стороны Кузмина и озвучивалась в узком семейном кругу, потому что сын старшей сестры и крестной поэта Варвары Алексеевны, в первом браке Ауслендер, осенью 1911 года местом жительства выбирает Ярославль. В августе 1910 года Сергей Абрамович Ауслендер обвенчался с актрисой Троицкого театра Надеждой Александровной Зноско-Боровской. Она была сестрой критика, драматурга и шахматиста Евгения Александровича Зноско-Боровского. Шафером на свадьбе был Николай Гумилев. Надежду Боровскую приглашают играть несколько театров,⁷ но она останавливает свой выбор на Волковском театре, и молодожены из Петербурга переезжают в Ярославль, где живут с октября 1911 года до февраля 1912 года. С. А. Ауслендер довольно часто писал из Ярославля своему любимому «дяде Мише», но еще чаще Е. А. Зноско-Боровскому, с которым его связывали не столько родственные, сколько дружеские и литературно-деловые отношения. Вот строки из ярославского письма Зноско-Боровскому, на котором, к сожалению, нет даты:

Приезжай скорее. Ждем тебя. Привези, пожалуйста, то, что Ляля просит, а то она стонет. Присылайте мне «Аполлон» по новому адресу «Ярославль Духовская 85 кв. 5 и пиши пожалуйста скорее. До скорого свидания. Целую. Твой Сергей Ауслендер.

Внизу письма приписка рукой жены:

Приезжай приезжай приезжай. Ждем ... любим.⁸

В письме от 19 октября 1911 года, написанном также из Ярославля, Ауслендер хвастается актерскими успехами жены и описывает «светское» общество Ярославля: «Бываю и у Некрасова < ... > Он основал в Москве книгоиздательство, пока запустил три книги...».⁹

Речь идет о Константине Федоровиче Некрасове, который в 1911 году открыл в Ярославле книгоиздательство, где в 1913 году вышел первый роман Ауслендера «Последний спутник».¹⁰

В Ярославле Ауслендер интенсивно работал: в октябре 1911 года он пишет рассказ «Ставка князя Матвея», а в декабре — «Туфелька Нелидовой». Действие происходит в мрачную Павловскую эпоху в Петербурге: героиня Мария Алексеевна, чтобы спасти своего жениха от царского гнева обращается к старому немцу Кюхнеру, магу, чародею, мистика. Оба рассказа вошли в книгу Ауслендера «Петербургские Апокрифы», которую он посвятил жене Н. А. Зноско-Боровской. В Ярославле Ауслендер начинает писать и свой роман «Последний спутник», в котором весьма узнаваемые литературные прототипы: Валерий Брюсов, Нина Петровская, Андрей Белый. Одним словом, хотя Ауслендер и жил в Ярославле, но душа его была не в этом городе. Да он и не скрывал, что Ярославль романтических восторгов у него не вызывает, и потому был рад, когда Надежду пригласили играть в Москву. В письме от 25 января 1912 года он пишет Зноско-Боровскому: «Я рад что все идет к концу и писать не о чем, все мысли уже не в Ярославле...».¹¹ В том же письме Ауслендер добавляет: «Потом переберемся в Петербург».¹² Вполне вероятно, Ауслендер, выбирая Ярославль местом временного проживания, надеялся, что дядя будет там навещать любимого племянника, но ...не случилось.

Возможно, Ауслендер и сыграл некоторую роль в попытке ярославского издателя Некрасова привлечь Кузмина к своему издательству, но Кузмина Некрасову настойчиво рекомендовал Брюсов: составляя список достойных для издания западноевропейских поэтов XVIII века, Брюсов убедил Некрасова, что перевод Гоцци и Мариво лучше всего доверить Кузмину.

Издать театральные сказки-фьябы итальянского драматурга и поэта Карло Гоцци — «Любовь к трем апельсинам», «Король-олень», «Турандот» Некрасов мечтал, едва отрыв свое издательство. Правда, летом 1911 года от этой затеи его отговаривал автор «Образов Италии», позднее друг и даже идеолог издательства, П. П. Муратов: «Что касается Fiabe Гоцци, то при всей моей любви к этому милому венецианцу, я не могу посоветовать Вам издавать его переводы. Вы сами убедитесь в этом, когда Fiabe будут у Вас в руках. Стихи, которые так прелестно звучат по-итальянски, в переводе на

русский теряют все. А главное, вся занимательность заключается в ненаписанных, а только в указанных ролях масок. По-русски это будут пустые места. Перевод представлял бы огромные трудности (не забудьте, что часть персонажей говорит на диалектах Венеции, Бергамо и пр.), а результат едва ли оправдал бы труд. Я сам уже думал об этом и пробовал даже перевести кое-что с моим приятелем, поэтом В. Ф. Ходасевичем. Должен сознаться, что ничего путного из этого не вышло».¹³

В начале 1912 года Некрасов обращается к Кузмину с предложением издать его перевод «Фиамметты» Боккаччио. Но перевод был продан Кузминым З. И. Гржебину, владельцу издательства «Шиповник», который в связи с долгами типографии продал его М. Г. Корнфельду, владельцу издательства «Сатирикон». По совету Кузмина, Некрасов обращается к Гржебину и Корнфельду с просьбой продать рукопись. Корнфельд уступить ее не захотел.

Сожалея о том, что перевод «Фиамметты» не выйдет в издательстве Некрасова, «задуманном и веденном с таким просвещенным вкусом», Кузмин предлагает молодому издателю свои услуги на будущее: «Если Вам желательны будут мои переводы, я охотно возьмусь за что-нибудь с французского, итальянского, латинского и греческого (предпочтительнее), хотя могу взять английский и немецкий».¹⁴

В середине марта 1912 года Некрасов пишет Кузмину о задуманной серии XVIII века: «... среди авторов есть один, которого почти невозможно передать по-русски: это Гоцци, о переводе его Fiabe я мечтаю давно. Из этого сборника на русском есть только “Турандот”, испорченная Миллером. Подумайте об этой книжечке, возобновите ее в памяти и решите, возможно ли передать эти наивные простонародные стихи, написанные к тому же на разных диалектах.

Для нас здесь есть и другая сторона: переводы, конечно, будут ставить на театре.

Ни к одному русскому поэту я не обратился бы с этим пока даже полу-предложением; уверен, что, если кто и может выполнить эту работу, это только Вы».¹⁵

Осенью 1912 года вопрос о переводе Гоцци был окончательно решен между Некрасовым и Кузминым: «Относительно Гоцци я охотно сделаю перевод “Il Re servo” к январю и очень рад, что

Муратов сделает вступление. Я всегда с большим наслаждением читаю его страницы, посвященные столь дорогому мне искусству Италии», — писал Кузмин.¹⁶

Говоря лестные слова о Муратове, Кузмин, конечно, помнил отзыв Муратова в предисловии к «Образам Италии»: «Но мне особенно хочется привести здесь неотвязные в своем таинственном ритме строки о Риме, включенные Кузминым в “Комедию о Алексее, человеке Божьем”»: “Шумите волны, спешим, спешим! Прости, прекрасный, милый Рим!”».¹⁷

Однако «Король-Олень» Гоцци в переводе Кузмина так и не был издан, также как и пьесы Мариво, о переводе которых между Кузминым и Некрасовым также была некая договоренность.

Ещё в начале 1912 года Некрасов задумал издать два альманаха: «Театр» и «Старые усадьбы», для которого писали А. Н. Толстой, С. А. Ауслендер, В. Ф. Ходасевич, Н. С. Гумилев.

11 сентября 1912 года Кузмин пишет Некрасову: «Многоуважаемый Константин Федорович, Послал Вам рассказ “Набег на Барсуковку” и на днях вышлю 4 стихотворения. Относительно гонорара я думаю, что для нас обоих будет не обидно 150 за лист (40 тыс.<яч> букв) прозы и 50 к<опеек> за стих».¹⁸

Рассказ «Набег на Барсуковку» обыгрывает сюжетную схему повести А. С. Пушкина «Дубровский», то есть ориентирован на конкретный литературный образец, что не было характерным для творчества Кузмина. А. В. Лавров и Р. Д. Тименчик отмечают, что подобных рассказов у Кузмина немного, «по большей части его “отражения” имеют вполне самоценный характер».¹⁹

Следом Кузмин отправляет в Ярославль стихотворный цикл «Бисерные кошельки»: несколько страниц этого автографа до сих пор хранятся в Государственном архиве Ярославской области вместе с письмами Кузмина Некрасову.

Особенность стилизаций Кузмина отмечал ещё Вяч. И. Иванов: они выполнены так, чтобы «мы могли любоваться непринужденною гибкостью и изящною простою этого всегда впапад отвечающего предмету, эпохе и положению стиля, с небрежною виртуозностью подчиняющего воображение, улыбчивого и легкого, как игра молодого оживленного лица, на котором кокетливо наклеплены несколько мушек: так два-три приятных галлицизма, два-три старых оборота

жеманного века, несколько случайных невежливостей к школьной грамматике поднимали естественную грацию чистой и подвижное речи...».²⁰ В качестве иллюстрации «впадет отвечающего предмета» можно привести следующий отрывок из переписки Кузмина и Некрасова. Издатель, получив рассказ и стихи и найдя их «прелестными», спрашивает у поэта: «Во втором стихотворении (“Ревнивая”) не понял я одного слова, которое повторяется дважды и рифмуется с балконом:

И в проходной на - - - - -

Заметила я там письмо.

Будьте добры, помогите разобрать».²¹

На что Кузмин отвечал: «Слово, которого Вы не разобрали, есть — геридон (geridon), род подставки или высокой этажерки для ваз, свечей и т. д.».²²

Имя Кузмина нередко упоминалось в письмах Ауслендера к Некрасову: «Кузмин уехал в Ригу и по своему обыкновению пропал бесследно»,²³ — писал Ауслендер издателю в Ярославль в середине сентября 1912 года.

Это вызывало недовольство Кузмина: «Слишком поэтическое понимание Ауслендером моих планов наделало очень много хлопот. Дело в том, что я просил Вас прислать в Петербург, Вы же, думая, что я застряну в Риге, послали чек туда, так что мы разошлись, и после долгих странствий Ваше письмо я получил только третьего дня и в Петербургском отделении мне не выдали тем более, что чек написан на имя Михаила Александровича, мое же отчество “Алексеевич”».²⁴

Переписка Некрасова и Кузмина обрывается в начале 1913 года. Последнее письмо издателя к поэту заканчивается риторически: «Поджидаю Гоцци. Хотелось бы выпустить его поскорее. Ведь перевод, наверное, готов».²⁵ Письмо осталось без ответа. Кстати, ни в одном из писем к Некрасову Кузмин не упоминает, что родился в Ярославле: то ли потому что этот факт был очевиден, то ли потому что в реальной жизни не имел для петербургского поэта никакого значения.

Вот, собственно, и все ярославские эпизоды в жизни Кузмина: рождение и пять писем, адресованных ярославскому издателю, которые сегодня хранятся в фонде книгоиздательства К. Ф. Некрасова в ГАЯО. Ответные письма Некрасова хранятся в фонде Кузмина в РГАЛИ.²⁶ Но этого оказалось вполне достаточно, чтобы в конце 1980-х годов, то есть с началом перестройки, имя Михаила Кузмина

активно зазвучало в местной прессе. Учитывая возникшую моду на поэтов Серебряного века и интерес к отрывающимся архивам, публикации о Кузмине стали привлекать к себе внимание, как сейчас принято говорить, широкой общественности. Но реакция была неоднозначной, потому что в советские годы о поэзии Михаила Кузмина в Ярославле, конечно, не вспоминали, да и имя поэта знакомо было лишь специалистам. Первая публикация, как только стало возможно писать о Кузмине, в ярославской прессе вышла в молодежной газете «Юность» 13 августа 1987 года и была посвящена приближающемуся 115-летию поэта. Это был газетный разворот, содержащий как архивные материалы, так и литературоведческое эссе. Молодой историк В. Н. Козляков, молодой искусствовед, аспирант МГУ, Е. А. Ермолин и молодой филолог И. В. Ваганова, сделали совместную публикацию «Приходите ко мне, кто смутен, кто весел...». ²⁷ Со ссылкой на метрические книги церкви Рождества Христова, которые хранятся в ГАЯО, ²⁸ была названа точная дата рождения Кузмина — 6 октября 1872 года. Подробно был представлен эпизод о несостоявшемся сотрудничестве Кузмина с издательством К. Ф. Некрасова: «В Ярославль, Некрасову». В эссе «Гуляка праздный» был представлен сам поэт и его поэтическое наследие.

Неожиданно публикация вызвала резкое неприятие со стороны, как тогда говорили, старших товарищей: журналистов и писателей. Через несколько дней в областной партийной газете — а других газет тогда еще и не было, местный писатель, авторитетный в партийных кругах, В. В. Рымашевский, отвечал авторам публикации в статье «Есть и будет так всегда»: «Под видом эстетической раскованности читателю преподносят тенденциозную вкусовщину. Я имею ввиду одну из недавних публикаций газеты “Юность”. Был такой третьестепенный поэт — декадент Михаил Кузмин (1872–1936). Вспомнить о нем, пожалуй, и не грех, все-таки ярославец, хотя и прожил всю жизнь на берегах Невы. Но вспомнить спокойно, без нездорового ажиотажа, руководствуясь тем скромным местом, какое отведено ему судьбой в российской словесности». ²⁹

Понятно, что эта статья не осталась без ответа. В местной прессе завязалась перепалка. Автору отвечали примерно в таком тоне: стихи и проза Кузмина сейчас издаются огромными тиражами, которым может позавидовать «первостепенный» поэт, не декадент (это

был намек на самого Рымашевского). Призывали не спешить с выводами. Особенно яростными были нападки на автора статьи за то, что фамилию Кузмина он писал с мягким знаком: как известно, поэт очень болезненно реагировал, когда писали его фамилию с мягким знаком, он гордился своим дворянским происхождением и тем, что его фамилия пишется без мягкого знака в отличие от плебейского «Кузьмин».³⁰

Достаточно ожесточенная дискуссия в местной прессе о роли Кузмина в литературе пробудила среди ярославцев интерес к его творчеству. К 130-летию поэта в городе уже были проведены литературно-поэтические чтения, а по их итогам вышел небольшой сборник статей «Прожить нельзя без веры и надежды...»,³¹ который сегодня стал библиографической редкостью, так как вышел тиражом всего 100 экземпляров. В этом сборнике есть статьи, посвященные «театральным» корням поэта (бабушка поэта по материнской линии, как известно, была внучкой французского актера Офрена) и его музыкальному творчеству.

Стоит признать, что спор о роли Кузмина и значимости его поэтического наследия для города периодически вспыхивал и в 1990-е годы, и на рубеже веков, и в нулевые. И чем больше одни восхищались Кузминым, тем осторожнее относились к нему другие. Названия публикаций о Кузмине в местной прессе говорят сами за себя: «Гуляка праздный», «Моей любви никто не сможет смерить», «Наш Калиостро», «Калиостро из Ярославля» «Три лика Михаила Кузмина». Ссылаясь на книгу Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» 1916 года, ярославские журналисты больше всего любят обыгрывать образ графа Калиостро применительно к поэту.

Вот как начинается статья литературного критика Е. А. Ермолина, опубликованная 28 февраля 2001 года в издании «Губернский экспресс» (приложение к областной газете «Северный край», выходило меньше двух лет), приуроченная к 65-летию со дня смерти Кузмина:

Именно в Ярославле в 1872 году родился этот поэт, один из крупнейших представителей ярчайшей культурной эпохи в России — серебряного века. Сегодня очевидно: главный вклад Ярославля в русскую поэзию не матерый совпис Сурков и не наивный деревенщина Суриков, а изысканный, изощрен-

ный, уточненный до последней крайности Кузмин, звенящий каждой жилкой многострунной своей души.³²

В тоже время стоит заметить, что в городе нет ни одной мемориальной доски, свидетельствующей о том, что Кузмин родился в Ярославле. Нет даже библиотеки имени М. А. Кузмина, которая могла бы углубленно заниматься литературным краеведением в этом направлении. Отсутствие мемориальной памяти пока компенсируется публикациями в местной прессе.

¹ Сегодня дата рождения Кузмина – 6 (18) октября 1872 подтверждена документально метрическим свидетельством, но даже на его могильной плите на Литераторских мостках (Волковское кладбище в Санкт-Петербурге) значится 1875.

² Бальмонт в феврале 1912 писал издателю К. Ф. Некрасову: «В Ярославле я был несколько месяцев. Город интересный, но мрачный. Моя мать родом из Ярославля» (ГАЯО, ф. 952, оп. 1, д. 25, л. 4). В октябре 1915 Бальмонт приехал в Ярославль, и в зале губернского земского управления, ныне это здание мэрии, выступил с лекцией «Поэзия как волшебство» и прочитал свои стихи из нового сборника «Ясень», который готовился к печати. Перед выходом этого сборника в июле 1915 Бальмонт писал Некрасову: «В успехе книги я уверен. А так как она является завершительным звеном длинной цепи, возникшей ровно 25 лет тому назад в Ярославле, считаю то, что вы издадите “Ясень”, таинственным и предназначенным». (См.: *Ваганова И.* Неоконченный роман в письмах. Книгоиздательство Константина Федоровича Некрасова, 1911–1916 годы. Рыбинск, 2018. С. 56–64).

³ *Кузмин М. А.* Дневник 1905–1907. СПб., 2000. С. 207.

⁴ *Евдокимов Е.* Дом, в котором родился Михаил Кузмин // *Элитный квартал.* 2022. № 2. Декабрь. С. 58–61.

⁵ *Евдокимов Е. В.* «В скромном родительском доме...» Ранняя биография Кузмина в документах (1872–1891) // *Михаил Кузмин. Литературная судьба и художественная среда.* СПб., 2015. С. 173.

⁶ Подробнее об этом см.: *Ваганова И. В.* Книгоиздательство К. Ф. Некрасова (1911–1916 годы) и русский литературный процесс начала XX века. Диссер. на соискание степени к. филол. н. СПб., 1996. С. 61–66.

⁷ *Грачева А. М.* Петербургское чародейство (Проза Ауслендера 1905–1917 годов) // *Ауслендер С. А.* Петербургские апокрифы: роман, повести и рассказы. СПб., 2005. С. 5–40.

⁸ РНБ, ф. 124, д. 226, л. 25.

⁹ Там же, л. 17 об.

¹⁰ Каталог книгоиздательства К. Ф. Некрасова. Москва, Петровка 25, кв. 27, телеф. 3-38-45. 1915. С. VI.

¹¹ РНБ, ф. 24, д. 226, л. 17 об.

¹² Там же.

¹³ Ваганова И. В. Из истории сотрудничества П. П. Муратова с книгоиздательством К. Ф. Некрасова // Лица: биографический альманах. Вып. 3. М.; СПб., 1993. С. 168–169.

¹⁴ Ваганова И. В. Неоконченный роман в письмах. Книгоиздательство Константина Федоровича Некрасова, 1911–1916 годы. С. 107, 110.

¹⁵ Там же. С. 106–107.

¹⁶ Там же. С. 112.

¹⁷ Муратов П. П. Образы Италии. Т. 1. М.: Научное слово. 1911. С. 13.

¹⁸ Ваганова И. В. Неоконченный роман в письмах. Книгоиздательство Константина Федоровича Некрасова, 1911–1916 годы. С. 110.

¹⁹ Лавров А., Тименчик Р. «Милые старые мир и грядущий век». Штрихи к портрету М. Кузмина // М. Кузмин. Избранные произведения. Л., 1990. С. 7.

²⁰ Иванов Вяч. О прозе М. Кузмина // Аполлон. 1910. № 7. Отд. II. С. 47.

²¹ РГАЛИ, ф. 232. оп. 1, ед. хр. 311. л. 2–2 об.

²² Ваганова И. В. Неоконченный роман в письмах. Книгоиздательство Константина Федоровича Некрасова, 1911–1916 годы. С. 112.

²³ Там же. С. 107.

²⁴ Там же. С. 112.

²⁵ Там же. С. 107.

²⁶ РГАЛИ, ф. 232. оп. 1, ед. хр. 311.

²⁷ Ваганова И., Ермолин Е, Козляков В. «Приходите ко мне, кто смутен, кто весел...» // Юность. 1987. 13 августа. № 98 (7158). С. 2–3.

²⁸ ГАЯО, ф. 230, оп. 10, ед. хр. 79, л. 102 об.–103.

²⁹ Рымашевский В. Есть и будет так всегда // Северный рабочий. 1987. 23 августа. № 196 (19970). С. 1.

³⁰ Ваганова И. Стремясь постичь истину // Северный рабочий. 1989. 9 августа. С. 2.

³¹ Михаил Кузмин (1872–1936). «Прожить нельзя без веры и надежды...» Материалы литературно-поэтических чтений к 130-летию М. А. Кузмина. Ярославль, 2003.

³² Ермолин Е. Калиостро из Ярославля. Исполняется 65 лет со дня смерти Михаила Кузмина // Губернский экспресс. 2001. 28 февраля. № 00022. С. 5.